

Д. Д. Трегубова
**РОДОПЛЕМЕННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
 И МОДЕРНИЗАЦИЯ В БУРЯТИИ¹**

УДК 39(571.54)

ББК 63.529(253.7)

Родоплеменная идентификация, характерная в прошлом для кочевников, в разной степени сохранилась у различных народов, в том числе монгольских. У халха-монголов, к примеру, до сих пор существуют определяющие идентификацию с родом термины, обозначающие 9 поколений предков. Обнаружить подобные термины в бурятской среде нам пока не удалось. Тем не менее наличие родового самосознания и теперь является отличительной характеристикой бурятской этнической общности. Родоплеменной пласт этнического самосознания бурят связан с традиционными родоплеменными культурами, обращение к которым обретает смысл противостояния бурным переменам, сотрясающим весь мир и постсоветское пространство. При переходе от традиционных обществ к современному, при резком росте степени свободы личности человек теряет былую защищенность, ощущение же принадлежности к роду способно ее вернуть. По мнению профессора А. Р. Вежбицки, родоплеменные связи помогают заменить существовавшую советскую социальную политику на постсоветском пространстве (что очевидно при поступлении в вуз, а также при возникновении социальных проблем). С нашей точки зрения, существующий у бурят родоплеменной уровень идентификации не является атавизмом: это не пережиток прошлого и не слепое, не имеющее актуального смысла следование традиции. Возродившись в условиях глобализации и социальной модернизации, родовая идентификация выполняет в современном мире ряд определенных функций и потому остается востребованной.

Ключевые слова: *буряты, родоплеменная идентификация, субэтнические группы бурят, традиционная культура, этнос и глобализация*

Для современных бурят существует, как минимум, три обособленных уровня идентификации — родоплеменной;² территориально-блоковый (деление бурят на западных и восточных);³ общепурятский.⁴ Ситуация

осложняется тем, что буряты относительно четко относят себя к различным этнотерриториальным группам (например, агинские, боханские и т. д.). Интерес к родоплеменной идентификации актуализировался в период перестройки и оказался тесно связанным с начавшимся в те годы национально-культурным возрождением. 1 июля 2016 г. во время торжественного открытия XII Международного фестиваля «Алтаргана» в Улан-Удэ знамена с названиями родовых подразделений развевались над колоннами представителей различных районов проживания бурят.

Современные буряты не только по памяти воспроизводят свои родословные, но и с гордостью называют себя эхиритами, булагатами, хонгодорами, хори.⁵ Интересно, что, по мнению заведующей отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург) Л. Р. Павлинской, перечисленные этнонимы

¹ Работа продолжает и развивает идеи статьи: Трегубова Д. Д. Родоплеменная идентификация в условиях глобализации (на примере бурятского этноса) // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничные: коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России. М.; Берлин, 2016. С. 287–295.

² О терминах «племя» и «род» см., напр.: Балдаев С. П. Материалы к изучению родовых и племенных отношений у бурят // Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961. С. 78; Петри Б. Э. Элементы родовой связи у северных бурят. Иркутск, 1924. С. 2; Трегубова Д. Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 41, 42. В рамках настоящей статьи прилагательные «родоплеменной» и «родовой» употребляются как синонимы.

³ К этому уровню часто примыкает еще один пласт, «рассекающий» современных бурят на три этнотерриториальные части — западных (баруун, худари), восточных (зуун, хори) и южных (сонгоол).

⁴ См., напр.: Антонов В. И., Очирова О. А. Современные буряты как этносциальная общность: некоторые особенности идентификационного процесса // Культура и менталитет на-

селения Сибири: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2003. С. 117.

⁵ См.: Трегубова Д. Д. Место и роль родоплеменной идентификации в сознании современных бурят // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 1. С. 77–82. В основу статьи легли результаты полевых исследований.

существуют для обозначения «протобурятских», или «средневековых», этносов, которые не стоит путать с собственно бурятами, что можно часто встретить в этнографических исследованиях.⁶ Но как быть в том случае, если «собственно буряты», говоря о себе, пользуются «средневековыми» терминами? Ко времени правления Чингисхана (ок. 1155 или 1162–1227) четыре крупных протобурятских племен⁷ уже упоминаются в источниках, а их родовые земли локализируются на территории этнической Бурятии.⁸

У халха-монголов до сих пор существуют определяющие идентификацию с родом термины, обозначающие 9 поколений предков (отца, деда, прадеда и т. д.). Они приводятся, в частности, в словаре традиционного образа жизни монголов, выпущенном в 1992 г. издательством «Есөн Эрдэнэ».⁹ Обнаружить подобные термины в бурятской среде нам пока не удалось. Тем не менее наличие родового самосознания и теперь является отличительной характеристикой бурятской этнической общности.

Бурятский род в истории государственной национальной политики

Появление русских в Прибайкалье в XVII в. привело к интенсификации перемещений и к изменению территории обитания многих родовых групп бурят. На рубеже XVIII и XIX вв. земля становится уже не родовой, а территориально-улусной, и родовое деление теряет прямое соответствие с территориальной общностью.¹⁰ После появления «Устава об управлении сибирских инородцев»¹¹ М. М. Сперанского (сделавшего степные думы высшим органом национального самоуправления¹²) род стано-

вится административной единицей. При создании института степных дум племенное деление сохранилось,¹³ но состав рода стал пополняться представителями других родов, кочевавших на его территории,¹⁴ а сам род стал дробиться на мелкие группы (например, появились 1, 2, 3-й ашебагатские роды).¹⁵ Подобное дробление было связано в основном с удобством сбора налога — ясака. А после перехода в начале XX в. на волостную форму управления в Забайкалье и Предбайкалье происходит распад административно-родовой общины бурят.¹⁶ Большинство исследователей констатируют факт совершившейся к этому времени консолидации бурят в единую народность.

В советское время названия родоплеменных групп бурят исчезают из документации. Бурятский народ считается единым. Впрочем, это касается не только бурят. Т. Б. Уварова, к примеру, отмечает, что со времени появления в русскоязычных источниках сведений о коренных малочисленных народах Севера и Сибири их «этническая идентичность... характеризовалась такими особенностями, как принадлежность к родовым и племенным объединениям, территориальным группам». В советское же время произошло оформление «общеэтнической... принадлежности этой категории населения России».¹⁷

Переселенческая политика советского руководства, особенно в период индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, приводит к образованию в Бурят-Монгольской АССР специфической этнической общности. Обладая менталитетом титульной нации, буряты между тем не составляют большинства населения республики, а в период индустриализации и коллективизации, разрушившей традиционный хозяйственный уклад и традиционную систему воспитания и трансляции традиций,¹⁸ ассимиляционные процессы значительно усиливаются.

Советский период имеет противоречивые оценки в современной историографии. Бу-

⁶ См.: Павлинская Л. Р. Еще раз об этнической истории Байкальского региона // Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 64.

⁷ А. А. Никишенков предлагал употреблять термин «родоплеменные группы» по отношению к крупным надродовым структурам.

⁸ Границы этнической Бурятии не совпадают с современными границами Республики; в основном это территория вокруг Байкала. См., напр.: Буряты. М., 2004. С. 8; Трегубова Д. Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем. С. 3.

⁹ Речь идет о таких терминах, как эцэг, өвөг, элэнц өвөг, хуланц өвөг, элэн өвөг, хулан өвөг, холбоо өвөг, өндөр өвөг, балдаг өвөг. См.: Монгол уламжлалт ахуй амьдралын товч толь (хөх зул). Улаанбаатар хот, 1992. Х. 9, 10.

¹⁰ См.: Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С. 109.

¹¹ «Устав об инородцах» М. М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири XVII–XX вв. // Законодательные акты Российской империи: сб. документов. Горно-Алтайск, 1994. С. 17–37.

¹² См.: Доржиев Б. Ш. Из истории бурятских родоплеменных образований Прибайкалья // Актуальные проблемы истории

и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2005. С. 403.

¹³ См.: Балдаев С. П. Указ. соч. С. 93.

¹⁴ См.: Доржиев Б. Ш. Указ. соч. С. 402.

¹⁵ См.: Балдаев С. П. Указ. соч. С. 96–99.

¹⁶ См.: Доржиев Б. Ш. Указ. соч. С. 403.

¹⁷ Уварова Т. Б. Современные формы презентации этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера // XI Конгресс антропологов и этнологов России. М.; Екатеринбург, 2015. С. 216, 217.

¹⁸ См., напр.: Крадин Н. Н. Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ // Вестн. РГНФ. 2014. № 3 (76). С. 205–208.

рятия получила тогда автономию — и положение «младшего брата» в России; «в официальное название республики был введен этноним — но его носители скоро оказались в этой республике в меньшинстве; все религии обрели равенство — но то было равенство бесправия перед лицом господствующей советской идеологии... была осуществлена национализация школ — однако воспитание в этих школах не было национальным бурятским... произошло социальное и культурное выравнивание бурятского народа, что объективно способствовало его единению, — но при этом его этноареал был произвольно рассеян административными границами, а сам процесс интеграции бурят в нацию в значительной мере отставал от всемерно поощряемой властями интеграции в “новую историческую общность” — советский народ».¹⁹

И действительно, произведенное в 1937 г. расчленение Бурят-Монголии на три части; языковые эксперименты 1930-х гг., в ходе которых неоднократно менялись алфавитная и диалектная основы бурятского литературного языка; исчезновение в 1958 г. «монгольской» части из названия республики и т. д. — все это не может восприниматься позитивно. Однако именно в советское время зарождается потенциал для будущего бурятского этнокультурного возрождения, наблюдается рост национального самосознания среди бурят, воспитываются кадры национальной интеллигенции. И, что особенно важно для нас, именно о советском времени заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета Л. М. Дамешек писал: «В 1956 г. мы с Рыгдылоном и П. П. Хороших обошли пешком почти весь Ольхонский район. К кому бы мы ни обращались — старому или малому, — каждый называл своих предков не менее чем до 10-го — 14-го колена. Во время этнографических экспедиций по Кабанскому и Ольхонскому районам в 1972–1973 гг. мы впервые применили методику сплошного этнографического обследования населения... Мы решили обойти каждый дом, а в доме спросить всех членов семьи, начиная от самых маленьких до глубоких стариков. Записывали родословные не только мужчин, но и женщин, чего до нас не делал никто. <...> В результате нам удалось выявить уникальные материалы по истории

возникновения, развития, членения, исчезновения и восстановления бурятского рода».²⁰ Очевидно, в самосознании бурят в советское время родовая идентификация сохранялась.

Процесс национально-культурного возрождения, охвативший Бурятию в 1990-е гг., связан с принятием Декларации о государственном суверенитете (1990) и новой Конституции Республики (1994), с постановлением Верховного Совета РБ «О реабилитации народов Бурятии» (1993), признающим незаконным акт 1937 г. о передаче части территории БМАССР Иркутской и Читинской областям, с созданием Всебурятской ассоциации развития культуры (1991).

В рамках этого процесса наблюдается возрастание интереса к своему происхождению²¹ (роду и племени), к малой родине, к древним традициям и культурам,²² а статус родоплеменного уровня идентификации чрезвычайно повышается. Согласно мнению профессора В. В. Карлова, под тотальным воздействием процессов глобализации и модернизации функции этнических идентификаторов разного уровня уже не могли остаться прежними.²³ Для чего же современным бурятам родоплеменной уровень идентификации? Каково его практическое значение сегодня, когда он давно уже не предопределяет, где жить (т. е., территорию перекочевок),²⁴ какую профессию выбрать и с кем создавать семью,²⁵ и даже принципы налогообложения давно уже утратили «родовой» характер?

²⁰ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 1995. С. 65, 66.

²¹ По данным социологических исследований 2007–2008 гг., при объяснении своей этнической идентификации бурятские школьники отдают предпочтение факту рождения в бурятской семье. См.: Дагбаев Э. Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 6. С. 139, 140.

²² См.: Доржиев Б. Ш. Указ. соч. С. 396.

²³ См.: Карлов В. В. Этнос и глобализация: унификация или рост многообразия культур? Доклад на XI Конгрессе антропологов и этнологов России 04.07.2015 г., Екатеринбург.

²⁴ Для сравнения отметим, что родовая идентичность современных башкир выражена более четко и является основой их самоидентификации, до сих пор играющей определяющую роль в вопросах землевладения. См.: Азнабаев Б. А. Формирование родоплеменной структуры «колмак» в башкирском этносе. Доклад на XI Конгрессе антропологов и этнологов России 03.07.2015 г., Екатеринбург.

²⁵ За очень редким исключением. В одном из интервью 2007 г. пятидесятилетняя женщина с высшим гуманитарным образованием рассуждает: «Я смотрела на мужчин через стандарты и стереотипы, которые вложила в меня бабушка. А у нее все четко было разложено по пунктам: откуда должен быть будущий муж, если я и мои родители — булагаты. Так вот, я могла выйти замуж только за боханского или за аларского бурята, и ни в коем случае за ольхонского или за эхиритского». См.: Город как пространство конструирования этничности (Улан-Удэ — бурятская столица). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat4/2_3.html (дата обращения: 16.09.2015).

¹⁹ Строганова Е. А. Бурятское национально-культурное возрождение (Конец 80-х — середина 90-х гг. XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск, 2001. С. 51.

Родовая идентификация и религия

Родоплеменной пласт многослойного этнического самосознания является наиболее традиционным.²⁶ Для бурят, например, он связан с самыми древними из распространенных на территории этнической Бурятии религиями — тэнгрианством и шаманизмом. О существовавшей традиции сакрализации родовой территории напомнила в своем докладе на XI Конгрессе антропологов и этнологов России Н. Л. Жуковская.²⁷ В устраивающихся в честь покровителей рода празднествах-тайлаганах «неразрывно соединялись умиротворение природы человеком и подтверждение родства... само участие в тайлагане было обусловлено родством».²⁸ Возвращение к традиционным родоплеменным культам сегодня обретает смысл «противостояния бурным переменам, сотрясающим весь мир и постсоветское пространство»,²⁹ является «попыткой обретения уверенности в себе через обращение к корням».³⁰

Антирелигиозная политика советской власти, направленная против православия, шаманизма, буддизма, имела разную степень эффективности: шаманизм, например, оказался более «живучим». Возможно, причина этого — в сохранившейся традиции устной передачи информации:³¹ предания, обычаи и обряды передавались из поколения в поколение вместе с родословной.

Языковая идентификация

Родоплеменная идентификация связана с укрепляющимся стремлением к сохранению родного языка — языка предков, и прежде всего — с развитием диалектов, переживающих сегодня в этнической Бурятии своеобразное возрождение в связи с намерением различных субэтнических групп повысить статус собственного наречия. Диалекты представлены в прессе (газета «Нютаг хэлэн/диалекты» выходит с

октября 2015 г.), звучат по радио («Буряад арадай радио» начало вещание на частоте 90,8 FM 25 августа 2016 г.) и телевидению (программа «Толи» на канале БГТРК). Необходимо заметить, что этноязыковая идентификация современных бурят отличается особенной сложностью.³² Созданный в советское время и по сей день существующий бурятский литературный язык является продуктом и способом конструирования этничности (создания бурятской нации) и многими представителями этноса воспринимается как искусственный. К примеру, в докладе «Нарративы современной национальной школы: казус бурятской глубинки» С. К. Малахаева осветила проблему изучения бурятского литературного языка в школах Эхирит-Булагатского района бывшего Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.³³ Родители школьников часто находят это изучение бессмысленным и даже вредным: оно связано с опасностью забывания «эхирит-булагатского диалекта», не ассоциирующегося в Эхирит-Булагатском районе с современным литературным бурятским. С точки зрения как самих школьников, так и их родителей, часы, выделяемые на изучение «необязательного» языка, сфера применения которого до сих пор крайне ограничена, полезней было бы посвятить изучению русского для более успешной сдачи ЕГЭ,³⁴ а также для повышения буду-

³² Бурятский язык является многодиалектным. В настоящее время бурятская диалектология обладает колоссальным, хорошо отработанным, транскрипционно унифицированным материалом, который был собран в диалектологических экспедициях языковедов Бурятского института общественных наук (БИОН) (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ)) СО РАН, проведенных в 1957–1967 гг. и позже. Накопление материала продолжается и по сей день. В течение десяти с лишним лет все населенные пункты этнической Бурятии были охвачены ежегодными диалектологическими экспедициями. Постоянными участниками экспедиций тех лет были Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев, Д. Г. Дамдинов, С. Б. Будаев, Н. Б. Дугаров, Л. Д. Шагдаров, А. Р. Бадмаев, У-Ж. Ш. Дондуков, Д. Б. Базаржапов, Э. Р. Раднаев, В. И. Рассадин, Д. М. Мадасон, Ц. Ш. Цырендоржиева и др. В последующие годы было опубликовано множество статей, посвященных анализу фонетических, грамматических, лексико-семантических особенностей, присущих тому или иному говору, появился ряд монографических исследований, где диалекты получили полное и системное описание. Таким образом, имеются достаточно полные данные, позволяющие бурятским языковедам создать научную классификацию бурятских диалектов. Подробнее об этом см.: Бурятский язык и его диалекты / Бураев И. Д., Дондуков У-Ж. Ш., Рассадин В. И., Шагдаров Л. Д. // Бурятия. 2004. 12 и 16 июня.

³³ Малахаева С. К. Нарративы современной национальной школы: казус бурятской глубинки. Доклад на XI Конгрессе антропологов и этнологов России. 04.07.2015 г. Екатеринбург.

³⁴ Сдача Единого государственного экзамена по русскому языку является обязательной. По тем же причинам в средних школах Чувашии сокращается количество учебных часов, выделяемых на изучение чувашского языка. (Смирнова Л. П., председатель правления Общества чувашской культуры Мо-

²⁶ Это касается как бурят, так и других народов, являющихся кочевыми в прошлом или настоящем. Кочевник издревле привязан не к определенной территории, а к определенной группе людей — своему роду. См., напр.: Головин А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 87.

²⁷ Жуковская Н. Л. Личное, семейное и родовое пространство в монгольской культуре. Доклад на XI Конгрессе антропологов и этнологов России. 02.07.2015 г. Екатеринбург.

²⁸ Строганова Е. А. Указ. соч. С. 114.

²⁹ Тендрякова М. В. Тэнгрианство: от государственной религии к забытым культам // Религия в истории и культуре монгольских народов России. М., 2008. С. 157.

³⁰ Эту фразу произнес на пленарном заседании XI Конгресса антропологов и этнологов России заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ Д. А. Функ по поводу иного сюжета, но позволим себе употребить ее здесь.

³¹ См., напр.: Строганова Е. А. Указ. соч. С. 46.

щей конкурентоспособности на общероссийском рынке труда.³⁵ Даже в Республике Бурятия хорошее владение русским языком при поступлении в вуз и при трудоустройстве играет более важную роль, чем знание современного бурятского литературного языка. Подобная ситуация возникает и в Тункинском районе. Она описана в монографии Е. А. Строгановой,³⁶ посвященной бурятскому национально-культурному возрождению. Автор сообщает: «Тункинские буряты говорят на особом диалекте, заметно отличающемся от хоринского, легшего в основу бурятского литературного языка. Поэтому, чтобы прочитать даже имеющиеся книги на этом языке... надо им еще овладеть. Но местная школа такой возможности им давно уже не предоставляла: преподавание в ней после начальных классов велось исключительно на русском языке. В результате именно русский стал языком литературы и даже, как это ни парадоксально, языком, на котором многие впервые познакомились с Гэсэром³⁷».

Языком «межгруппового общения» для представителей различных родоплеменных групп бурят также является русский. В наиболее комфортной языковой ситуации и привилегированном положении оказались, таким образом, современные представители хори, которые, по нашим наблюдениям среди городских бурят московской диаспоры, используют бурятский язык в повседневной жизни чаще представителей других субэтнических групп.³⁸

Для полноты картины отметим, что при ответе на вопрос о родном языке (к примеру, при проведении переписи) носители разных диалектов с наибольшей долей вероятности укажут «бурятский», но каждый вложит в свой ответ собственный смысл. С 2002 г. бурятский язык относится к вымирающим, и для преодоления негативных тенденций важно, чтобы ревност-

ные сторонники развития диалектов и хранители «чистоты литературного языка» пришли к пониманию необходимости создания общего языкового пространства, формирование которого в настоящее время протекает очень медленно.

Интересно, что в 1990-е гг., в начале процесса национально-культурного возрождения в Бурятии и после появления публикаций ученых БИОН, посвященных различным родовым группам, фактически утраченную идентификацию с родом стали восстанавливать, опираясь на мнение специалистов.³⁹ Бывали даже ситуации, когда человек, ранее точно знавший свой род, «менял» его после прочтения соответствующей научной статьи.⁴⁰

«Защитные» функции родовой идентификации

«Обострение» традиционного самосознания служит естественным ответом на тенденцию восприятия мира как «единого целого»,⁴¹ т. е. глобализацию.

Как отмечает руководитель Центральноазиатского фонда развития демократии Толганай Умбеталиева, «при переходе от традиционных обществ (с их привязанностью индивида к роду, общине) к современному обществу, когда резко возрастает степень свободы личности, человек... теряет былую защищенность». ⁴² Ощущение же принадлежности к роду возвращает то чувство защищенности, которое неведомо, к примеру, современному жителю мегаполиса.

Но дело даже не столько в переходе от традиционности к современности, сколько в кризисном состоянии, вызванном распадом СССР и девальвацией ценностей и ориентиров существовавшего строя. Ведь потребность в поведенческих ориентирах с распадом Советского Союза не исчезла. Одним из выходов в сложившейся ситуации и стало обостренное восприятие соб-

сквы. Доклад на круглом столе «Стратегические задачи государственной национальной политики по консолидации российской нации». ГБУ «Московский дом национальностей», 24 сентября 2015 г.; видеозапись круглого стола доступна по ссылке: <http://www.gumilev-center.ru/v-moskve-proshel-kruglyj-stol-na-temu-strategicheskie-zadachi-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-po-konsolidacii-rossijskoj-nacii/>.

³⁵ Малахаева С. К. Указ. соч.

³⁶ Строганова Е. А. Указ. соч. С. 110.

³⁷ Богатырь, главный герой бурятского эпоса.

³⁸ В детстве, изучая бурятский язык в школе, я не догадывалась, почему так спокойно могу говорить по-бурятски с дедом и совершенно не понимаю «тот же язык», когда дед говорит с бабушкой. «Прозрение» пришло только во время написания диплома на кафедре этнологии исторического факультета МГУ: один из крупнейших филологов Республики Бурятия, один из деятелей бурятского национально-культурного возрождения, И. Д. Бураев, прекрасно владел бурятским литературным языком, но дома говорил на эхирит-булагатском.

³⁹ Об ответственности ученых перед обществом за генерацию и трансляцию научных знаний см.: Бураев Д. И., Трегубова Д. Д. Восток–Запад: истоки различий и современность // Восток–Запад: историко-литературный альманах. М., 2014. С. 36–41.

⁴⁰ Подобное имело место, например, в селе Торы Тункинско-го района Бурятии. В целом, использование научных изданий в качестве источника информации о традиционной культуре — явление достаточно широко распространенное. Труды ученых активно использовались при подготовке и проведении Гэсэриады в 1995 г. См.: Строганова Е. А. Указ. соч. С. 118.

⁴¹ О подобном см.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 94.

⁴² Умбеталиева Т. Б. Явление трайбализма в Казахстане // ЦентрАзия: портал. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (дата обращения: 03.09.2015).

ственной этнической принадлежности⁴³ (в том числе субэтнической, как в нашем случае).

Интересна мысль, высказанная профессором Варшавского университета А. Р. Вежбицки, о том, что родоплеменные связи помогают заменить существовавшую советскую социальную политику на постсоветском пространстве (что очевидно при поступлении в вуз, а также при возникновении социальных проблем).⁴⁴

Соотношение родовой и национальной идентификаций

На наш взгляд, объяснение наличия родового уровня идентификации незавершенностью процесса консолидации бурятской нации, мягко говоря, не совсем верно, а само существование подобных логических построений свидетельствует об имеющей место в российской науке терминологической неопределенности (что наглядно иллюстрируется на примере значительного пересечения семантических полей прилагательных «русский» и «российский»). Мы часто забываем о том, что термин «нация» — гораздо больше политический, чем этнический.⁴⁵ К тому же актуальная прежде задача «консолидации бурятской нации» давно покинула официальную повестку дня (а общепурятский уровень идентификации сегодня является скорее макротерриториальным или макрокультурным). Напротив, начало III тыс. характеризуется проводимой на государственном уровне деполитизацией этничности, с которой связан процесс укрупнения регионов России, воспринятый в Бурятии болезненно⁴⁶ (особенно на фоне того, что в 1990-е гг. лидеры бурятского национально-культурного возрождения вели политическую

борьбу за воссоединение территории Бурят-Монголии в границах до 1937 г.).

На наш взгляд, родоплеменной и национальный уровни идентификации соотносятся примерно так же, как общероссийская гражданская и бурятская региональная идентичности, существуя в разных плоскостях, играя разные роли в жизни общества и не конфликтуя друг с другом.

Тем не менее этническая идентификация тесно связана с гражданской и национальной. А. Р. Вежбицки говорит о том, что для достижения общегражданской консолидации необходимо сначала достичь консолидации общеплеменной, т. е. того состояния, при котором, к примеру, жузовое самосознание казахов не мешает осознанию общеказашского единства.⁴⁷ Отметим, что при этом речь идет не о вытеснении жузового самосознания осознанием принадлежности к казахам, а, скорее, о деполитизации жузового самосознания.

Более того, резолюция прошедшего в Санкт-Петербурге в мае 2014 г. Конгресса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, например, подчеркивает, что «в качестве необходимой базы гражданской идентичности и солидарности следует рассматривать сохранение и развитие этнической идентичности, этнокультурной преемственности, межпоколенной трансляции духовно-нравственных ценностей».⁴⁸

Выводы

Наличие родового самосознания традиционно является отличительной характеристикой бурятской этнической общности.

С нашей точки зрения, существующий у бурят родоплеменной уровень идентификации не стал атавизмом: это не пережиток прошлого и не слепое, не имеющее актуального смысла следование традиции. Возродившись в условиях глобализации и социальной модернизации, родовая идентификация выполняет в современном мире ряд определенных функций, и потому остается востребованной.

⁴³ См., напр.: Амоголонова Д. Д., Елаева И. Э., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск, 2005; Строганова Е. А. Указ. соч. С. 57, 58.

⁴⁴ Вежбицки А. Р. Современный трайбализм народов Центральной Азии. Доклад на XI Конгрессе антропологов и этнологов России. 03.07.2015 г. Екатеринбург.

⁴⁵ Об этом, в частности, говорил В. М. Матяшов в своем докладе на круглом столе «Стратегические задачи государственной национальной политики по консолидации российской нации», прошедшем 24.09.2015 г. в ГБУ «Московский дом национальностей».

⁴⁶ Процесс укрупнения регионов России затронул в первую очередь «сложносоставные» субъекты Российской Федерации — края и области со входящими в их состав автономными округами. В качестве примера «болезненности восприятия» этого процесса приведем фразу из социальных сетей: «С 1 января 2008 года официально не существует региона “85”, но он навсегда останется в нашем понимании, в наших сердцах — не как Иркутская область, а как наш родной регион — Усть-Ордынский Бурятский Автономный Округ!!!» URL: http://vk.com/region_85 (дата обращения: 28.06.2015).

⁴⁷ Вежбицки А. Р. Указ. соч.

⁴⁸ Уварова Т. Б. Современные формы презентации этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Доклад на XI Конгрессе антропологов и этнологов России. 04.07.2015 г. Екатеринбург.

Dinara D. Tregubova

Candidate of Historical Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS
(Russia, Moscow)

E-mail: *inionran@mail.ru*

CLAN-TRIBAL IDENTIFICATION AND MODERNIZATION IN BURYATIA

The clan-tribe identification pattern formerly characteristic for the nomads has been (to a different extent) preserved by various peoples. The Khalkha-Mongols, for instance, still have the specific kinship terms referring to nine generations of the ancestors. So far we were not able to identify any similar terminology in the Buryat environment. Nonetheless, the kinship-based self-identification is still a distinctive characteristic of the Buryat ethnic community. The Buryat clan-tribal ethnic identity aspect is associated with the traditional tribal cults, reliance on which becomes a symbol of resistance to the shock waves of rapid change going through the world in general and the post-Soviet environment in particular. In the course of transition from the traditional to modern society, the dramatic increase of individual freedom is often accompanied by the loss of a familiar sense of security, while the feeling of belonging to a clan is capable of restoring it. According to Prof. A. R. Vežbicki the kinship-tribal ties may act as a substitute for the former Soviet social policy in the post-Soviet space (e. g. this may be helpful with admission to University or in a situation of social adaptation problems). In our opinion the Buryat tribal identification pattern is not an atavism: this is not a relic of the past or a blind following the tradition devoid of any contemporary meaning. The clan identification pattern in the context of globalization and social modernization acquired a number of specific functions in today's world, and as such it stays much in demand.

Keywords: *Buryats, tribal identification, buryat subethnos, traditional culture, ethnos and globalization*

REFERENCE

- Amogolonova D. D., Yelaeva I. E., Skrynnikova T. D. *Buryatskaya etnichnosty v kontekste sotsiokulyturnoy modernizatsii (postsovetskiy period)* [Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (post-Soviet period)]. Irkutsk: Radian Publ., 2005, 246 p. (in Russ.)
- Antonov V. I., Ochirova O. A. [Modern Buryats as an ethnosocial community: some features of the identification process]. *Kulytura i mentalitet naseleniya Sibiri: materialy Mezhdunarodnoy nauch-prakt. konf.* [Culture and mentality of the population of Siberia: materials of the Int. Sci. and Pract. Conf.]. Saint-Petersburg: SPbGU Publ., 2003, p. 117. (in Russ.)
- Asalkhanov I. A. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v.* [The socio-economic development of Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1963, 493 p. (in Russ.)
- Baldaev S. P. [Materials for the study of the tribal and tribal relations of the Buryats]. Baldaev S. P. *Izbrannoe* [Favorites]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1961, 255 p. (in Russ.)
- Buraev D. I., Tregubova D. D. [East-West: the Origins of differences and modernity]. *Vostok–Zapad: istoriko-literaturnyy alymanakh* [East–West: historical and literary almanac]. Moscow: Nauka Publ.; Vostochnaya literature Publ., 2014, pp. 36–41. (in Russ.)
- Buryaty* [Buryats]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 633 p. (in Russ.)
- Dagbaev E. D. [Buryat ethnic identity: between tradition and modernization]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2010, no 6, pp. 134–141. (in Russ.)
- Dorzhiiev B. Sh. [From the history of the Buryat tribal formations of the Baikal region]. *Aktualnyye problemy istorii i kulytury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. UlanUde, 26 aprelya 2005 g.* [Actual problems of the history and culture of the peoples of the Asia-Pacific region: materials of the Int. Sci.-pract. Conf., Ulan-Ude, April 26, 2005]. Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI Publ., 2005, pp. 396–404. (in Russ.)
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015, 592 p. (in Russ.)
- Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST Publ., 2003, 603 p. (in Russ.)
- Istoriya Usty-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga* [History of the Ust-Orda Buryat Autonomous Area]. Moscow: Progress Publ., 1995, 544 p. (in Russ.)

- Kradin N. N. [Transformation of the livestock farming of the Agin Buryats in the Early 21st century: a comparative analysis]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation], 2014, № 3, pp. 205–208. (in Russ.).
- Pavlinkskaya L. R. [Once again about the ethnic history of the Baikal region]. *Sibirya: drevnie etnosy i ikh kulytury* [Siberia: ancient ethnoses and their cultures]. Saint-Petersburg: MAE RAN, 1996, 98 p. (in Russ.).
- Petri B. E. *Elementy rodovoy svyazi u severnykh buryat* [Elements of tribal connection in the northern Buryat]. Irkutsk: DVO RGO Publ., 1924, 29 p. (in Russ.).
- Stroganova E. A. *Buryatskoe natsionalno-kulturnoe vozrozhdenie (Konets 80-kh — seredina 90-kh gg. XX veka, Respublika Buryatiya)* [Buryat national and cultural revival (Late 80s — mid 90s of the 20th century, Republic of Buryatia)]. Moscow; Irkutsk: Natalis Publ., 2001, 150 p. (in Russ.).
- Tendryakova M. V. [Tengrianism: from state religion to forgotten cults]. *Religiya v istorii i kulture mongolozychnykh narodov Rossii* [Religion in the history and culture of the Mongolian-speaking peoples of Russia]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2008, 319 p. (in Russ.).
- Tregubova D. D. [The place and the role of the tribal identification in the modern Buryats consciousness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 8. History], 2009, no 1, pp. 77–82. (in Russ.).
- Tregubova D. D. [Tribal identification in the context of globalization (on the example of the Buryat ethnos)]. *Etnokulturnoe vosпроизvodstvo v usloviyakh globalizatsii: etnoperekrestki i transgranichye: kollektivnaya monografiya po materialam XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii* [Ethnocultural reproduction in the conditions of globalization: ethno-crosses and transborder: a collective monograph on the materials of the 11th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2016, pp. 287–295. (in Russ.).
- Tregubova D. D. *Subetnicheskie gruppy buryat v proshlom i nastoyashchem*. Kand. Diss. [Sub-ethnic groups in the past and present. Cand. Diss.]. Moscow, 2011, 180 p. (in Russ.).
- Umbetaliyeva T. B. [The phenomenon of tribalism in Kazakhstan]. *TsentrAziya: portal* [CentralAsia: portal]. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (accessed 03.09.2015). (in Russ.).
- Uvarova T. B. [Modern forms of presentation of the ethnic identity of indigenous minorities of the North]. *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov (Yekaterinburg, 2–5 iyulya 2015 g.)* [11th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials (Ekaterinburg, July 2–5, 2015)]. Moscow; Ekaterinburg: IEA RAN, IiA UrO RAN, 2015, pp. 216–217. (in Russ.).